

Э.В. Будаев, А.П. Чудинов

**Зарубежная
политическая
лингвистика**

УДК 482-093.5(021)

ББК Ш141.2-7

Б 90

Будаев А.В., Чудинов А.П. Зарубежная политическая лингвистика. Учебное пособие, 2006. – 252 с.

Рецензенты:

д-р филол.н., профессор В.И.Карасик (Волгоградский государственный педагогический университет);

д-р филол.н., профессор Н.Б. Руженцева (Уральский государственный педагогический университет).

Пособие адресовано студентам и аспирантам, специализирующимся в области связей с общественностью, политологии, лингвистики и межкультурной коммуникации, социологии, рекламной деятельности, журналистики, государственного и муниципального управления, а также всем, кто интересуется языком политики, методами и приемами речевого воздействия в политической сфере.

В первом разделе охарактеризована история развития зарубежной политической лингвистики – научного направления, которое возникло на пересечении лингвистики с политологией и занимается изучением политической сферы коммуникации, рассмотрением средств и способов борьбы за политическую власть в процессе коммуникативного воздействия на политическое сознание общества.

Во втором разделе пособия рассмотрена методология современной зарубежной политической лингвистики и дано описание ее ведущих направлений (риторическое, когнитивное и дискурсивное), а также комплексных методик изучения политической коммуникации.

В третьем разделе представлены переводы публикаций широко известных современных специалистов по политической коммуникации из США (Р.Андерсон, В.Бенуа, Дж.Лакофф), Европы (Д.Бэнкс, Р.Водак, П.Друлак, А.Мусолфф и др.), Азии, Австралии и Океании (Л.Ви, Н.Чабан, Дж. Бейн, К. Статс).

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Раздел 1. СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ И ЕЕ ПРОБЛЕМАТИКА

1.1. Возникновение и основные этапы развития политической лингвистики

1.2. Аспекты исследования политической коммуникации

Раздел 2. МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

2.1. Когнитивное направление в политической лингвистике

2.2. Риторическое направление в политической лингвистике

2.3. Дискурсивное направление в политической лингвистике

2.4. Комплексные методики изучения политической коммуникации

Раздел 3. АНТОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

3.1. Политическая лингвистика в США

Дж. Лакофф. Метафора и война: Система метафор для оправдания войны в Заливе (перевод А.М. Стрельникова) 57

Р. Андерсен (мл.). Каузальная сила политической метафоры (перевод С.С. Чащиной) 69

В. Бенуа. Функциональная теория дискурса политической кампании (перевод О.А. Ворожцовой и А.М. Стрельникова) 89

3.2. Политическая лингвистика в Центральной и Западной Европе

Р. Водак. Взаимосвязь «дискурс – общество»: когнитивный подход к критическому дискурс-анализу (перевод О.А. Солоповой) 122

<i>П. Друлак.</i> Метафора как мост между рациональным и художественным (перевод О.А.Ворожцовой)	135
<hr/>	
<i>А. Мусолфф.</i> Политическая «терапия» посредством геноцида: антисемитские концептуальные образы в книге Гитлера « <i>Майн кампф</i> » (перевод Ю.А.Ольховиковой)	150
<hr/>	
<i>Д. Бэнкс.</i> Представляя неприемлемое: Обращение Ле Пена перед вторым туром президентских выборов во Франции (2002 г.) (перевод А.А.Прокопьевой)	168
<hr/>	
3.3. Политическая лингвистика в Восточной Европе	
<i>Э. Р. Лассан.</i> Лингвистика как ангажированное знание	184
<hr/>	
<i>Н. Н. Клочко.</i> Образы Европы в современных национальных дискурсах (на примере антропоморфной метафорики)	197
<hr/>	
3.4. Политическая лингвистика в Азии, Африке, Океании и Латинской Америке	
<i>Л. Ви.</i> Нарушение языковой схемы? Экзонормативные метафоры в политическом дискурсе Сингапура (перевод С.Л.Кушнерук)	215
<hr/>	
<i>Н. Чабан, Дж. Бейн, К. Статс.</i> «Политический Франкенштейн» или «Финансовый Гаргантюа»? Метафоры персонификации при освещении расширения Евросоюза в новостях Австралии (перевод А.Б.Зайцевой)	227
РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА	249

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данное пособие предназначено для студентов высших учебных заведений, которые овладевают гуманитарными специальностями, в той или иной степени связанными с изучением взаимоотношений языка и общества. К числу этих специальностей относятся «Филология», «Лингвистика и межкультурная коммуникация», «Политология», «Социология», «Рекламная деятельность», «Связи с общественностью», «Государственное и муниципальное управление», «Журналистика».

Основная задача учебного пособия состоит в ознакомлении студентов с историей возникновения, идеями, методами и ведущими направлениями зарубежной политической лингвистики – новой, активно развивающейся гуманитарной науки, которая занимается изучением использования ресурсов языка как средства борьбы за политическую власть и манипуляции общественным сознанием. В связи с этим в пособии выделены основные положения политической лингвистики, рассмотрена история ее возникновения и развития, охарактеризованы методы и ведущие направления в зарубежных исследованиях политической коммуникации.

Изучение политической лингвистики важно для студентов, поскольку будет способствовать лучшему пониманию, анализу и продуцированию (в том числе в процессе перевода на другие языки) соответствующих текстов. Одновременно изучение политической лингвистики поможет студентам лучше понимать происходящие в современном мире политические процессы, научиться видеть подлинный смысл выступлений политических лидеров и используемые ими способы манипуляции общественным сознанием.

Отличительной чертой данного пособия является обширный раздел «Антология», в котором представлены переводы на русский язык трудов ведущих зарубежных специалистов из Соединенных Штатов Америки (Дж. Лакофф, В. Бенуа, Р. Андерсен), Центральной и Западной Европы (Д. Бэнкс, Р. Водак, П. Друлак, А. Мусолфф) и других мегарегионов (Л. Ви, Н. Ключко, Э. Лассан, Н. Чабан).

Авторы выражают искреннюю признательность рецензентам данного пособия – доктору филологических наук, профессору Владимиру Ильичу Карасику и доктору филологических наук, профессору Наталье Борисовне Руженцевой, ценные советы которых оказались очень важны при доработке книги.

Особая благодарность адресована нашим зарубежным консультантам. Мы признательны профессору Миссурийского

университета Вильяму Бенуа за его ценные консультации по истории и современному состоянию американских исследований по политической лингвистике. Для нас было очень значимо творческое общение с европейскими специалистами по политической метафоре, особенно с профессором Петром Друлаком из Пражского института международных отношений (Чехия) и профессором Андреасом Мусолффом из Даремского университета (Великобритания). Искренне благодарим Р. Андерсона, Р. Водак, Р. Бэнкса, Э.Лассан, Н.Клочко, Н.Чабан и других зарубежных авторов, представивших свои материалы для публикации в данной книге.

Абсолютное большинство исследований, которые включены в данную книгу, впервые переведены на русский язык. Поэтому заслуживают глубокой признательности переводчики О. А. Ворожцова, А.Б. Зайцева, С. Л. Кушнерук, Ю. А. Ольховикова, А. А. Прокопьева, О. А. Солопова, А. М. Стрельников, С.С.Чащина.

ВВЕДЕНИЕ

Интенсивное развитие политических технологий, возрастающая роль средств массовой информации, все большая театрализация политической деятельности способствуют повышению внимания общества к теории и практике политической коммуникации. В связи с этим в России и за ее рубежами стремительно растет количество публикаций, посвященных политической лингвистике.

Появление все новых и новых исследований в сфере политической лингвистики, обращение исследователей ко все новым и новым аспектам изучения политического языка – все это требует всестороннего осмысления истории названного научного направления, его современного состояния, закономерностей эволюции и взаимодействия с другими научными направлениями.

Следует отметить, что отдельные аспекты рассматриваемой в настоящем учебном пособии проблемы уже привлекли внимание специалистов. Вопрос о возникновении, историческом развитии и современном состоянии политической лингвистики в той или иной мере рассматривался в учебниках и учебных пособиях А.Н. Баранова «Введение в прикладную лингвистику» (2001), М.В. Гавриловой «Критический дискурс-анализ в современной зарубежной лингвистике» (2003), А.А. Романова «Политическая лингвистика. Функциональный подход» (2002), И.В. Вольфсона «Язык политики. Политика языка» (2003), А.П. Чудинова «Политическая лингвистика» (2003, 2006), в монографиях Н.А. Купиной (1995), Е.И. Шейгал (2000), в двух выпусках коллективной монографии «Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов» (1998, 2000), в статьях В.Н. Базылева (2005), В.З. Демьянкова (2002, 2003), П.Б. Паршина (1999, 2001, 2003), Н.М. Мухарямова и Л.М. Мухарямовой (2002), Т.Г. Скребцовой (2004, 2005) и др.

За рубежом монографии и учебные пособия по политической коммуникации получили широкое распространение с 70-х гг. прошлого века. Среди них «Введение в анализ политических текстов» Р. Бахема (1979), «Язык в политике. Введение в прагматику и семантику политического языка» В. Дикманна (1975), «Политический язык» М. Эдельмана (1977), «Язык политики» М. Гайса (1987), «Политическая коммуникация: Риторика, правительство и граждане» Д. Ф. Хана (1988), «Язык и политическое понимание» М. Шапиро (1981) и др. Среди последних работ выделяется книга П. Чилтона «Анализ политического дискурса» (2004) и учебник Н. Фэрклау

«Анализ дискурса» (2003). К сожалению, большинство из названных книг пока не опубликованы на русском языке.

В настоящем учебном пособии предпринята попытка своего рода обобщения и классификации современных исследований в области политической лингвистики, созданных за пределами России. Такого рода ограничение объясняется тем, что нашим студентам особенно важно ознакомление с зарубежным опытом, с идеями и методами специалистов из государств с развитыми демократическими традициями.

Уже предварительные наблюдения позволили обнаружить, что абсолютное большинство современных исследований по политической лингвистике созданы в трех мегарегионах – в Северной Америке, в Центральной и Западной Европе и в постсоветских государствах. Вполне закономерно, что национальность и место проживания ученого далеко не всегда предопределяют его принадлежность к тому или иному направлению в исследовании политической метафоры. Например, можно обнаружить, что концепции некоторых европейских ученых ближе к взглядам американских специалистов, чем к типично европейским представлениям. Отметим также стремление специалистов, работающих в различных регионах, к взаимному согласованию своих концепций. Показательным примером в этом отношении служит исследовательский проект по решению вопроса о соотношении лингвистической и концептуальной метафоры, получивший название «Pragglejaz» по первым буквам имен десяти ведущих специалистов по метафоре из США, Гонконга и стран Европы (P. Crisp, R. Gibbs, A. Cienki, G. Steen, G. Low, L. Cameron, E. Semino, J. Grady, A. Deignan, Z. Kövecses).

Вместе с тем существуют определенные основания для выделения североамериканского, европейского и российского (восточноевропейского, постсоветского) направлений в исследовании политической метафоры. Поэтому в процессе изучения учитывались не только собственно лингвистические характеристики соответствующих публикаций, но и их принадлежность к одному из названных мегарегиональных направлений.

При последовательном изучении современных публикаций по проблемам политической коммуникации обнаруживаются следующие различия, способные служить основанием для классификации исследований.

1. Методы исследования. С точки зрения методологии наиболее последовательно разграничиваются работы, выполненные в рамках когнитивного и традиционного (риторического, семантико-

стилистического) методов. В первом случае политическая коммуникация анализируется как ментальный, а во втором – как языковой феномен. Вместе с тем существуют исследования, авторы которых, не опасаясь обвинений в эклектике, пытаются совместить названные методы. Значительно более естественным представляется совмещение методов, ориентированных на различные аспекты исследования, например, совмещение когнитивного метода с критическим анализом дискурса или контент-анализом.

2. Национальный дискурс. В большинстве исследований рассматриваются политические метафоры, относящиеся только к какому-то одному национальному дискурсу (американскому, немецкому, российскому и др.). Вместе с тем существуют публикации, в которых сопоставляются политические метафоры, характерные для межнациональных объединений: так, в исследовании Н.Н. Ключко, представленном в антологии, продемонстрировано, что народы бывшей Австро-Венгерской империи до настоящего времени ощущают определенную близость, которая в ряде случаев выражается и в однотипных метафорах. В публикациях целого ряда исследователей рассматривается межнациональная метафора «Общоевропейский дом» (Болотова, Цинкен 2001; Ключко 2006, *Bachem, Batke 1991; Musolff 2000, 2004; Schäffner 1993 и др.*). Особую группу составляют исследования, посвященные сопоставлению метафорических картин мира, существующих в сознании различных народов.

Для исследования небезразлична и «точка зрения» на политическую метафору: в одних случаях автор изучает политическую метафорику своей родной страны, а в других – обращается к исследованию политической коммуникации зарубежных государств.

3. Дискурсивные варианты использования политического языка. В подобных исследованиях, рассматриваются дискурсы отдельных политических событий и ситуаций (война, выборы, скандал, коррупция и др.), дискурсы отдельных политических партий и движений (правые, левые, экологи, антиглобалисты, националисты, коммунисты и др.) или отдельных политических лидеров.

4. Источники исследований политической языка. Чаще всего это политический медиадискурс (в том числе пресса, радио, телевидение) и собственно политический (институциональный) дискурс (листовки, парламентские дебаты, выступления на митингах, документы политических партий и др.) в их многообразных разновидностях и пересечениях. Вместе с тем существуют тексты, совмещающие в себе признаки политического дискурса с

характерными чертами художественного, бытового или научного дискурса.

5. Темпоральная и динамическая характеристика исследований. Существуют публикации, авторы которых стремятся охарактеризовать исторические закономерности развития политической коммуникации на протяжении многих десятилетий, веков и даже тысячелетий, тогда как большинство современных авторов обращаются лишь к материалам последних лет.

Композиция настоящего учебного пособия определяется стремлением авторов, обратившись сначала к истокам современной политической лингвистики, последовательно рассмотреть все названные выше существенные признаки соответствующих исследований, выделив на этой основе ведущие принципы и закономерности современной политической коммуникации. Представленные в заключительном разделе публикации ведущих зарубежных специалистов помогут студентам лучше понять методологию зарубежных исследований политического дискурса.

РАЗДЕЛ 1. СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ И ЕЕ ПРОБЛЕМАТИКА

1.1. Возникновение и основные этапы развития политической лингвистики

Истоки современной политической лингвистики можно обнаружить уже в античной риторике: проблемами политического красноречия активно занимались уже в Древней Греции и Риме, однако эта традиция оказалась прерванной на много столетий, когда на смену античным демократиям пришли феодальные монархии. Изучение политической коммуникации оказывается социально востребованным прежде всего в демократическом обществе, а поэтому соответствующие исследования вновь появились лишь вместе с развитием демократии в Западной Европе и Северной Америке. Рассмотрим основные этапы в истории изучения политической коммуникации.

1. Исследования политической коммуникации в рамках традиционной риторики и стилистики. Первоначально (то есть еще до возникновения политической лингвистики как особого научного направления) публикации по проблемам политической коммуникации воспринимались как разновидность стилистических или риторических исследований. Соответствующие публикации носили преимущественно «рецептурный», восхваляющий или критический (дискредитирующий) характер. В публикациях первого типа авторы стремились показать своим читателям, каким образом можно добиться успеха в публичных выступлениях или иной публичной речевой деятельности, в том числе в политической сфере. Среди ярких примеров изданий рецептурного характера можно назвать труды Дейла Карнеги и Поля Сопера, в которых рассмотрено множество конкретных выступлений и публикаций, а также предложены достаточно эффективные рекомендации. В подобных публикациях метафора представлялась как весьма полезное «украшение» речи, умелое использование которого способно принести значительный прагматический эффект.

В публикациях второго типа основное внимание уделялось детальному описанию достоинств и – в меньшей степени – недостатков в речевой деятельности конкретных политических деятелей. Особенно активно изучались разнообразные аспекты

риторического мастерства политических лидеров. Причины убедительности президентских выступлений искали в фонетических и ритмических особенностях, остроумии, задушевности, открытости, простоте, образности и иных качествах речи.

В работах критической направленности основное внимание традиционно уделялось «разоблачению» недобросовестных уловок политических противников, а также их косноязычию, малообразованности и речевой небрежности. Значительное число критических публикаций было посвящено «порче» родного языка, среди причин которой обычно назывались те или иные политические события, а также общее падение нравов, утрата духовных основ и уважения к национальным традициям.

2. Возникновение и становление политической лингвистики (двадцатые – пятидесятые годы XX века). История возникновения и становления любой научной дисциплины неразрывно связана с историей общества, и политическая лингвистика не стала исключением. В череде событий XX в. точкой отсчета для становления политической лингвистики стала Первая мировая война, которая привела к невиданным человеческим потерям и кардинальному изменению мироощущения человечества. В новых условиях необходимость изучения политической коммуникации и ее взаимосвязи с общественно-политическими процессами становилась все более очевидной. После опыта беспрецедентного пропагандистского противостояния воюющих стран, знание о механизмах манипуляции общественным мнением приобретает высокую научную и гуманитарную ценность. Поэтому неудивительно, что после войны внимание исследователей языка политики было направлено на изучение способов формирования общественного мнения, эффективности политической агитации и военной пропаганды.

Наиболее значимые работы этого периода связаны с деятельностью Уолтера Липпманна, Пола Лазарсфельда, Гарольда Лассвелла.

У. Липпманн в период Первой мировой войны писал пропагандистские листовки для армии союзников во Франции, после войны занялся изучением вопросов пропаганды и агитации, служил советником у двенадцати президентов США. В современной политической лингвистике используется предложенное У. Липпманном понятие «процесса установки повестки дня» (*agenda-setting process*), т.е. высвечивания в политической коммуникации одних вопросов и замалчивания других. Таким образом, ученый

разграничил реальную актуальность той или иной проблемы и ее «важность» в восприятии общества.

Также У. Липпману принадлежит первенство в применении контент-анализа в качестве метода для исследования общественных представлений о политической картине мира. В частности, в 1920 г. У. Липпманн опубликовал исследование корпуса текстов газеты «The New York Times», которые были посвящены Октябрьской революции 1917 г. Как показал У. Липпманн, среднему американцу невозможно было составить сколько-нибудь объективного мнения о происходящих в мире событиях ввиду анти-большевистской предвзятости анализируемых текстов.

Другим значимым предшественником политической лингвистики был Пол Лазарсфельд, активно занимавшийся изучением пропаганды в Колумбийском университете. В 1937 г. он руководил исследовательским проектом по воздействию информации радиовещания на американскую аудиторию. Впоследствии этот проект вылился в создание «Бюро прикладных социальных исследований» – единственного основанного на базе университета исследовательского института того времени, который занимался вопросами политической и массовой коммуникации. Вместе со своим коллегой Р. Мертоном П. Лазарсфельд разработал метод опроса фокус-группы¹, который применялся для сбора данных об отношении рядовых американцев к правительственным призывам по радио разводить «огороды победы»² или приобретать облигации военных займов. Примечательно, что эти правительственные программы разрабатывались и анализировались как самим П. Лазарсфельдом, так и другими исследователями (в том числе Гарольдом Лассвеллом).

П. Лазарсфельду принадлежит первенство в применении контент-анализа к исследованию зависимости электорального поведения от предвыборной агитации в СМИ. Наибольшую известность получило его исследование, проведенное в округе Эри (штат Огайо). В течение полугода вплоть до президентских выборов 1940 г. П. Лазарсфельд и его коллеги проводили опрос фокус-группы в 600 человек с целью выявить эффективность агитационного воздействия политических текстов СМИ на американских граждан. К

¹ Опрос фокус группы (focus group interview) – метод исследования, когда одновременно по специально созданному сценарию опрашиваются несколько человек, подобранных на основе сходных характеристик

² "Огороды победы" (Victory gardens) – домашние огороды американцев во время обеих мировых войн, к обустройству которыми активно призывало федеральное правительство.

удивлению исследователей, только 54 участника эксперимента поменяли за полгода свои предпочтения в пользу другого кандидата в президенты, и еще меньшее количество респондентов сделало это под прямым воздействием газет, журналов и радиопередач. Этот эксперимент заставил засомневаться в доселе принимаемом как само собой разумеющееся положении о тотальном характере воздействия СМИ на избирателя.

Впоследствии П. Лазарсфельд и другие исследователи разработали модель двухуровневой коммуникации, согласно которой в любом обществе существуют восприимчивые к воздействию политической пропаганды «лидеры общественного мнения» (*opinion leaders*), распространяющие политическую информацию по каналам межличностного общения. Методика П. Лазарсфельда получила значительное распространение и применяется вплоть до настоящего времени. Хотя исследователи указывали на недооценку пропагандистской роли СМИ, разработки П. Лазарсфельда инициировали интерес к исследованию дополнительных факторов коммуникационного воздействия на избирателя.

Среди предшественников современной политической лингвистики называют также Гарольда Лассвелла, которому принадлежит заслуга значительного развития методики контент-анализа и ее эффективного применения к изучению языка политики. С помощью контент-анализа Г. Лассвеллу удалось продемонстрировать связь между стилем политического языка и политическим режимом, в котором этот язык используется. По мнению исследователя, дискурс политиков-демократов очень близок дискурсу избирателей, к которым они обращаются, в то время как недемократические элиты стремятся к превосходству и дистанцированию от рядовых членов общества, что неизбежно находит отражение в стилистических особенностях политического языка власти. Языковые инновации предшествуют общественным преобразованиям, поэтому изменения в стиле политического языка служат индикатором приближающейся демократизации общества или кризиса демократии.

Продемонстрированный Г. Лассвеллом исследовательский потенциал методов количественной семантики получил значительное распространение. Так, в 40-е гг. XX в. Г. Лассвелл, Н. Лейтес, С. Якобсон и другие исследователи выявляли различные взаимозависимости между семантикой языковых единиц и политическими процессами на основе анализа советских лозунгов, языка Интернационала, текстов фашистской пропаганды.

В этот период появляется дополнительный импульс к осмыслению роли языка в политике, связанный с практикой тоталитаризма и новой, еще более разрушительной мировой войной. Рассматривая этот этап развития политической лингвистики, историки науки называют, помимо специалистов по коммуникации, английского писателя Джорджа Оруэлла и немецкого литературоведа Виктора Клемперера, обратившихся к критическому изучению тоталитарного дискурса.

Первый из них написал в 1948 году роман-антиутопию «1984», в котором были описаны принцип «двомыслия» (*doublethink*) и словарь «новояза» (*newspeak*), то есть на конкретных примерах были охарактеризованы способы речевого манипулирования человеческим сознанием в целях завоевания и удержания политической власти в тоталитарном государстве. Джордж Оруэлл наглядно показал, каким образом при помощи языка можно заставить человека поверить лжи и считать ее подлинной правдой, как именно можно положить в основу государственной идеологии оксюморонные лозунги «Война – это мир», «Свобода – это рабство» и «Незнание – это сила». Пророческий дар Дж. Оруэлла постоянно отмечают современные специалисты по политической пропаганде: иногда кажется, что именно по рецептам «новояза» советские войска в Афганистане решили называть ограниченным контингентом, а саму эту войну – интернациональной помощью. Аналогичные приемы использовали и американские лидеры, которые называли свои военные действия против Югославии и Ирака «борьбой за установление демократии».

Описанный Джорджем Оруэллом «новояз» был плодом его фантазии, предположением о том, к чему может привести развитие тоталитарных идей в Великобритании. Немецкий филолог Виктор Клемперер подробно охарактеризовал «новояз», за которым он имел несчастье наблюдать 12 лет. Его книга «LTI. Notizbuch eines Philologen» («LTI. Записная книжка филолога») была посвящена коммуникативной практике германского фашизма, а буквы «LTI» в ее названии обозначают «Язык Третьей империи». Следует отметить, что практика нацистского «новояза» оказалась значительно многообразнее и изощреннее созданной Джорджем Оруэллом теории. Например, оказалось, что вовсе необязательно запрещать то или иное выражение – достаточно взять его в кавычки. Например, «немецкий поэт» Гейне – это уже совсем не немецкий и не совсем поэт; соответственно написание «выдающийся ученый» Эйнштейн позволяет поставить под сомнение гениальность выдающегося физика. На службу идеям фашизма в гитлеровской Германии были поставлены и многие другие

языковые средства: особенно детально Виктор Клемперер описывает символику и метафорику фашистской пропаганды, а также практику запрета на «неудобные» слова и понятия с одновременной пропагандой «новых» слов и идей.

Позднее появилось описание коммунистического новояза и языкового сопротивления ему в Польше, Восточной Германии, Чехии, России и других государствах существовавшего во второй половине прошлого века «социалистического лагеря». Эти исследования позволили обнаружить множество сопоставимых фактов и закономерностей. Вместе с тем обнаруживались и признаки национальных тоталитарных дискурсов: например, в советском политическом дискурсе очень значимыми были политические определения, кардинально преобразующие смысл и эмоциональную окраску слова. Так, в советском новоязе *Буржуазный гуманизм* или *Абстрактный гуманизм* – это вовсе не человеколюбие, а негативно оцениваемое проявление слабости, недостаточная жестокость по отношению к политическим противникам, представителям «эксплуататорских классов» и просто сомневающимся. С другой стороны, в качестве *Социалистического гуманизма* могли быть представлены жестокие действия «против классово чуждых элементов», особенно если эти действия воспринимались как полезные «для трудового народа» в его «классовой борьбе».

Исследования коммуникативной практики тоталитарных режимов продолжаются до настоящего времени. Специалисты выделили характерные черты тоталитарного дискурса, для которого, как правило, свойственны централизация пропагандистской деятельности, претензии на абсолютную истину, идеологизация всех сторон жизни, лозунговость и пристрастие к заклинаниям. Среди признаков тоталитаризма выделяют также ритуальность политической коммуникации, превалирование монолога «вождей» над диалогичными формами коммуникации, пропагандистский триумфализм, резкую дифференциацию СВОИХ и ЧУЖИХ, пропаганду простых и в то же время крайне эффективных путей решения проблем.

3. Политическая лингвистика шестидесятых – восьмидесятых годов XX века. На следующем этапе развития политической лингвистики зарубежные специалисты сосредоточили свое внимание на изучении коммуникативной практики в современных западных демократических государствах. Эти исследования показали, что и в условиях «свободы» постоянно используется языковая манипуляция сознанием, но это более изощренная манипуляция.

Новые политические условия привели к изменению методов коммуникативного воздействия, но политика – это всегда борьба за власть, а в этой борьбе победителем обычно становится тот, кто лучше владеет коммуникативным оружием, кто способен создать в сознании адресата необходимую манипулятору картину мира. Например, опытный политик не будет призывать к сокращению социальных программ для малоимущих, он будет говорить только о «снижении налогов». Однако хорошо известно, за счет каких средств обычно финансируется помощь малообеспеченным гражданам. Умелый специалист будет предлагать бороться за социальную справедливость, за «сокращение пропасти между богатыми и бедными», и не всякий избиратель сразу поймет, что это призыв к повышению прямых или косвенных налогов, а платить их приходится не только миллионерам. Точно также опытный политик будет говорить не о сокращении помощи малоимущим, а о важности снижения налогов, однако легко предположить, какие именно статьи бюджета пострадают после сокращения налоговых поступлений.

Подобные факты широко обсуждаются в критической теории Франкфуртской школы, представители которой (Т. Адорно, Г. Маркузе, М. Хоркхаймер) начали изучать формы тоталитаризма, антидемократизма, националистического шовинизма после окончания второй мировой войны. Аналогичные материалы представлены также во многих публикациях англоязычных авторов.

Вполне закономерно, что в эпоху холодной войны особое внимание лингвистов привлекал милитаристский дискурс. На фоне «балансирования между войной и миром» понимание того, как политики убеждают рядовых граждан в необходимости применения ядерной бомбы, получает гуманистический смысл. По аналогии с «новоязом» Дж. Оруэлла (*newspeak*) в понятийном арсенале лингвистов закрепляется понятие «нюкспик» (*nukespeak*) (*Chilton 1982*), т.е. «ядерный язык», который используют политики для оправдания возможного применения ядерной бомбы, для завуалирования и затемнения катастрофических последствий такого сценария развития событий. С другой стороны, важную роль в развитии политической ситуации играли и метафорические образы, подчеркивающие всю опасность последствий атомной катастрофы («ядерная зима», «атомный апокалипсис», «поджигатели войны» и др.). Неудивительно, что осознание актуальности задач, стоящих перед исследователями политической коммуникации, становится значимым фактором в становлении политической лингвистики.

Важное место в политической лингвистике рассматриваемого периода занимает французская школа анализа дискурса (Ж. Дюбуа, Ж.-Ж. Куртин, М. Пеше, М. Фуко и др.). Как показывает П. Серио, эта школа возникла «как попытка устранить недостатки контент-анализа, применявшегося в то время гуманитарных науках, особенно в Соединенных Штатах» (Квадратура смысла, 2002, с. 16-17). По мнению французских ученых, американский контент-анализ «предполагает упорядочивание поверхностного разнообразия текстов, открывая тем самым возможность их сравнения и исчисления» (там же, с.17). Соответственно задача исследователя – это обобщение различных способов выражения сходного содержания и статистический анализ полученных результатов. Такой анализ воспринимается французскими специалистами как «совокупность второщенных технических приемов».

Теоретической основой для французской школы анализа дискурса стали идеи психоанализа, марксизма и структурной лингвистики. Как пишет, Патрик Серио в теории дискурса Мишеля Пеше, главенствуют три имени, «объединяемых под шутливым названием «Тройственное согласие»: – Карл Маркс, Зигмунд Фрейд и Фердинанд де Соссюр. Предмет исследования во французской школе анализа дискурса – это не отдельный текст, а множество текстов с учетом их исторической, социальной и интеллектуальной направленности, с учетом их взаимосвязей с другими текстами и с учетом институционных рамок, которые накладывают значительные ограничения на акты высказывания. При этом учитывается не только содержание текста, но и интенции автора, не только то, что сказано, но и то, что не сказано. По возможности следует также сопоставить содержимое текста с интрадискурсом автора (другими его высказываниями по соответствующей проблеме) и интердискурсом (высказываниями других лиц по соответствующей проблеме).

Итак, в шестидесятые-восьмидесятые годы прошлого века получили распространение исследования политической лексики, теории и практики политической аргументации, политической коммуникации в исторической перспективе, политических метафор и символов. Внимание исследователей привлекали вопросы функционирования политического языка в ситуации предвыборной борьбы, парламентских и президентских дебатах, в партийном дискурсе и др. Все более тонким становится научный аппарат изучения политической коммуникации и все больше фактором учитывается при исследовании дискурсивной значимости тех или иных высказываний, текстов или корпусов текстов.

Уже в этот период изучение политической коммуникации складывается в относительно самостоятельное направление лингвистических изысканий. В 70–80-х гг. за рубежом регулярно появляются учебники по политической коммуникации и методам ее анализа.

4. Современный этап развития политической лингвистики.

Особенно активно зарубежные исследования политической коммуникации развиваются в конце XX – начале XXI вв. Можно выделить следующие признаки современного этапа развития политической лингвистики.

1) Происходит «глобализация» политической лингвистики. Если ранее соответствующие научные исследования проводились, как правило, в Европе или Северной Америке, то в последние годы подобные публикации все чаще появляются в самых различных странах Азии, Африки, Латинской Америки и Океании (соответствующий обзор представлен в заключительном разделе настоящего издания). После падения «железного занавеса» специалисты из постсоветских государств начали все активнее осваивать методологии, методики, эвристики и темы, которые раньше были им недоступны по политическим причинам.

2) Политическая лингвистика, первый этап развития которой характеризовался преимущественным вниманием к тоталитарному дискурсу, а второй – к политическому дискурсу западных демократий, все активнее обращается к принципиально новым проблемам современного многополярного мира. Сфера научных интересов новой науки расширяется за счет включения в анализ новых аспектов взаимодействия языка, власти и общества (дискурс терроризма, дискурс «нового мирового порядка», политкорректность, социальная толерантность, социальная коммуникация в традиционном обществе, фундаменталистский дискурс и др.).

3) На современном этапе развития науки становится все более ясным, что политическая лингвистика, которую раньше объединял лишь материал для исследования (политическая коммуникация, «язык власти») становится самостоятельным научным направлением со своими традициями и методиками, со своими авторитетами и научными школами. В этот период получает широкое распространение и признание название дисциплины (political linguistics, Politolinguistik), проводятся специальные научные конференции, публикуются многочисленные сборники исследований соответствующей тематики. Политическая лингвистика активно вбирает в себя эвристики дискурс-анализа и когнитивной методологии,

Более детальный обзор ведущих направлений современной политической лингвистики, сфер ее интересов и аспектов изучения политического дискурса представлен в последующих разделах.

1.2. Аспекты исследования политической коммуникации

В зависимости от поставленных задач и имеющегося текстового материала специалисты выбирают тот или иной аспект изучения политической коммуникации. Рассмотрим основные противопоставления, выявляющиеся при анализе конкретных публикаций.

1. Исследование языковых, текстовых или дискурсивных феноменов. В первом случае предметом внимания становятся использование единиц, относящихся к тому или иному языковому уровню (лексика, фразеология, морфология, синтаксис). Наиболее заметны изменения в лексике и фразеологии. Каждый новый поворот в историческом развитии государства приводит к языковой "перестройке", создает свой лексико-фразеологический тезаурус, включающий также концептуальные метафоры и символы.

Во втором случае предметом исследования становятся текстовые единицы: при таком подходе специалисты изучают жанровые особенности политических текстов, их композицию, средства связи между частями, текстовые средства акцентирования смыслов и т.п. Значительное количество публикаций посвящено изучению специфики отдельных жанров и стилей политического языка. Языковеды изучают специфику парламентских дебатов, особенности митинговой речи, язык средств массовой информации. Лингвополитические исследования посвящены анализу настенных надписей, лозунгов, предвыборной полемики, политического скандала. Специально рассматриваются жанры протеста, поддержки, рационально-аналитические и аналитико-статистические жанры, юмористические жанры и виртуально ориентированные низкие жанры.

В третьем случае единицами исследования становятся коммуникативные стратегии, тактики и роли. В рамках данного направления анализируется коммуникативное поведение субъектов политической деятельности. Современные политические лидеры, стремясь добиться успеха у избирателей, нередко используют своего рода «речевые маски». Речевое поведение в значительной степени зависит от социально-коммуникативной роли политика, которая в свою очередь зависит от его социального статуса, от используемых стратегий, тактик и речевых приемов.

2. Исследование современного политического языка – историческое изучение политического языка. Специальные исследования показывают, что абсолютное большинство исследований политической метафоры выполняется на материале современного дискурса. Вместе с тем появляются публикации, в которых рассматриваются метафоры, характерные для иных политических периодов.

Такой ракурс рассмотрения позволяет получить ответы на вопросы о динамике метафорических систем и проследить, как эволюционирует система политических метафор в связи с изменением политической ситуации. В наиболее общем виде исследователь политической метафоры в исторической перспективе может столкнуться с двумя взаимодополняющими свойствами системы политических метафор: *архетипичностью* и *вариативностью*.

Первое свойство выражается в том, что система политических метафор имеет устойчивое ядро, не меняется со временем и воспроизводится в политической коммуникации на протяжении многих веков. Статичность политической метафоры послужила основой для первых опытов по теории политических метафор в 20 веке, но нередко это свойство абсолютизировалось в духе культурно-временного универсализма. Согласно такой точке зрения и в Древней Греции, и в средневековой Европе, и в любой стране современного мира политические метафоры остаются неизменными, отражают устойчивые детерминанты человеческого сознания или архетипы коллективного бессознательного.

По мере накопления практических исследований становилось очевидным, что политическая метафорика обладает диахронической вариативностью. В 1977 году М. Осборн, основатель теории о неизменных архетипичных метафорах, опубликовал работу, в которой пересмотрел категоричность некоторых своих постулатов. М. Осборн пришел к выводу, что, несмотря на то, что архетипичные метафоры используются во всех культурах и во все времена, развитие культуры, науки и техники может воздействовать на их частотность. Изучив 56 политических выступлений XIX-XX веков, он обнаружил, что технологический прогресс может уменьшать распространенность архетипичных метафор. Например, в XX в. резко уменьшилось количество метафорических образов, связанных с водой, в то время как в XIX веке речные и океанские метафоры были очень распространены.

Архетипичность политической метафоры получила оформленный характер в теории концептуальной метафоры, согласно

которой механизмы метафоризации бессознательны и определяются физическим опытом взаимодействия человека с окружающим миром. Таким образом, важным основанием для метафорического универсализма стала анатомо-физиологическая общность представителей *homo sapiens*, до некоторой степени предопределяющая закономерности мышления. Вместе с тем критики теории концептуальной метафоры нередко забывают, что согласно теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона концептуальные метафоры согласованы с основными концептами той или иной культуры, что в принципе не только преодолевает недостатки культурного универсализма, но и не исключает диахронической вариативности политической метафорики.

Действительно, многие метафоры фиксируются исследователями в разных культурах и в разные времена. К примеру, метафоры болезней на протяжении долгого времени используются в разных государствах для представления Чужого, угрожающего здоровью общественного организма. К примеру, в эпоху королевы Елизаветы I и короля Якова I были очень распространены метафоры болезни Англии, а причины этих болезней общество усматривало в «чужеродных телах»: евреях, ведьмах, католиках. Подобные метафоры обнаруживаются и сотни лет спустя в риторике Адольфа Гитлера, и в современном политическом дискурсе, в котором метафоры болезни – значимое средство осмысления действительности и дискредитации политических оппонентов во многих странах. Конечно, сфера-мишень для морбиальных метафор варьируется в различные эпохи. Если в эпоху королевы Елизаветы католики могли метафорически представляться причинами заболеваний, то до реформы Генриха IV или в период правления Марии Кровавой вряд ли, но аргументативный потенциал сферы-источника активно используется в разные исторические эпохи и в разных странах.

Другим примером может служить антииммигрантский дискурс в США. Как показал американский исследователь Дж. О'Брайен, еще в начале XX века для осмысления иммиграции использовались образы природных стихий, военного вторжения, животных, трудноперевариваемой пищи, то есть метафоры, которые регулярно фиксируют американские исследователи в современной политической коммуникации.

Вместе с тем метафорическая система общественных представлений о политической реальности претерпевает со временем изменения. Эта вариативность системы политических метафор имеет два ракурса рассмотрения:

- корреляция между изменением политической ситуации и количеством метафор в политическом дискурсе;
- доминирование отдельных метафор и метафорических моделей в различные исторические периоды.

Отправной точкой для исследований первого направления послужила опубликованная в 1991 г. работа К. де Ландтсхеер (*Landtsheer 1991*), в которой с помощью методов контент-анализа было доказано, что между частотностью метафор и общественными кризисами существуют взаимозависимость. Исследовав голландский политический дискурс за период 1831-1981 гг., К. де Ландтсхеер удалось показать, что количество метафор увеличивается в периоды общественно-политических кризисов. Эти наблюдения послужили подтверждением того, что метафора является важным средством разрешения проблемной ситуации, и впоследствии легли в основу комбинаторной теории кризисной коммуникации (ССС-theory). В очередном исследовании К. де Ландсхеер и Д. Вертессен, сопоставив метафорику бельгийского предвыборного дискурса с метафорикой дискурса в периоды между выборами, обнаружили, что количество метафор увеличивается в предвыборный период.

Второе направление в изучении вариативности политической метафорики определяется тем, что ученого интересует не степень метафоричности политического дискурса, а конкретные понятийные сферы, доминирующие метафоры той или иной эпохи, их динамика в связи с изменением политической ситуации. Например, политическая метафора «Государство – это организм» – одна из древнейших метафор человечества. Развертывание антропоморфной метафорической модели обнаруживается уже в древних священных текстах. В Ригведе описывается, что священство произошло из рта проточеловека, воины – из его рук, пастухи – из бедер, земледельцы – из ступней. В Ветхом завете пророк Даниил, трактуя пророческий сон Навуходоносора, использует метафору человеческого тела. Прагматический потенциал политической антропоморфной метафоры использовался и в Древнем мире, и в текстах периода Средних веков. Например, Иоанн Солсберийский предлагал следующую метафорическую картину государства: принц – голова; органы управления – сердце; судьи – глаза, уши и язык; солдаты – руки; крестьяне – ступни ног; сборщики налогов – желудок. В Новое время политическую антропоморфную метафору использовали Ф. Сидней, Б. Барнс, Ф. Бэкон, Т. Гоббс и другие мыслители и все-таки в эру индустриальной революции антропоморфную метафору значительно потеснили метафоры механизма.

Смена метафорики особенно заметна в периоды общественно-политических преобразований. В этом отношении заслуживает внимания работы американского ученого Р.Д. Андерсона, направленные на анализ динамики политической метафорики в период демократизации общества. Как предположил исследователь, при смене авторитарного дискурса власти демократическим дискурсом в массовом сознании разрушается представление о кастовом единстве политиков и их «отделенности» от народа. Дискурс новой политической элиты элиминирует характерное для авторитарного дискурса наделяние власти положительными признаками, сближается с «языком народа», но проявляет значительную вариативность, отражающую вариативность политических идей в демократическом обществе. Когда люди воспринимают тексты политической элиты, они не только узнают о том, что политики хотят им сообщить о мире, но и о том, как элита соотносит себя с народом (включает себя в социальную общность с населением или отдаляется от народа). Для подтверждения этой теории Р.Д. Андерсон обратился к анализу советских и российских политических метафор. Р.Д. Андерсон исследовал частотность нескольких групп метафор, по которым можно судить о том, как коммунистической элита соотносит себя с остальным населением СССР. Среди них метафоры размера (*большой, крупный, великий, широкий, титанический, гигантский, высокий* и т.п.), метафоры превосходства и субординации (*воспитание, задача, работник, строительство, образец*). Оказалось, что частотность этих метафор уменьшалась по мере того, как население начинало самостоятельно выбирать представителей власти. В новых условиях на смену «вертикальным» метафорам пришли «горизонтальные» метафоры (*диалог, спектр, левые, правые, сторонники, противники*). С появлением ориентационных метафор *левый* и *правый* у населения появилась свобода политического выбора, возможность «горизонтальной» самоидентификации с политиками тех или иных убеждений, что, по мнению исследователя, служит свидетельством демократизации общества. Основываясь на этих данных, Р.Д. Андерсон приходит к выводу, что характерные для дискурса авторитарного периода метафоры гигантомании и патернализма присущи монархическому и диктаторскому дискурсу вообще, в силу чего пространственные метафоры субординации можно считать универсальным индикатором недемократичности общества.

Если использовать терминологию теории концептуальной метафоры, Р.Д. Андерсон исследовал ориентационные метафоры. Примером анализа динамики структурных метафор в период перехода

к демократии могут служить работы польского исследователя Збигнева Хейнтзе. Как указывает ученый, накануне демократических преобразований в Польше отмечается резкая милитаризация языка коммунистической пропаганды. Множество метафор из военной сферы явилось реакцией коммунистической элиты на активизацию демократического движения, стало средством формирования образа коварного врага, с которым народ и коммунистическая партия должны вести войну. Метафоры войны не исчезли и после прихода к власти Л. Валенсы. Поляки продолжали *атаковать последний бастион коммунизма, захватывать позиции, предпринимать тактические действия* и *торпедировать законопроекты*, но уже не в такой степени как раньше. Желание борьбы ослабло, а общество стремилось заменить все опустошающую войну на здоровое соперничество, чему в немалой степени способствовал переход к многопартийной системе.

Политическую систему Польши в первые годы переходного периода можно назвать системой «многопартийной раздробленности». В те времена даже появился анекдот: «где два поляка – там три политические партии». Такое положение дел стало поводом для упорной борьбы, напоминающей о дарвинистской борьбе за существование, целью которой было попасть в парламент и удержаться в нем. Ситуация изменилась с введением 5%-го барьера, что заставило партии объединяться и ограничило число политических объединений. Открытая враждебность и непримиримость пошла на убыль, и политики стали искать не врагов, а союзников, начали объединять силы и вспомнили о «компромиссе» и «консенсусе». Соответственно в политическом дискурсе этого периода отмечается преобладание метафор разумного соперничества, особенно метафор, связанных со спортом и игрой.

Отдельный интерес вызывает исследование динамики политической метафоры в рамках одной исходной понятийной сферы. Британский лингвист А. Мусолфф проследил «эволюцию» метафоры «ЕВРОПА – ЭТО ДОМ» за последнее десятилетие 20 века на материале английских и немецких газет. Автор выделил два периода в развитии метафоры дома. 1989-1997 гг. – это оптимистический период, когда *разрабатывались смелые архитектурные проекты, укреплялся фундамент, возводились столбы*. По мере роста противоречий в 1997-2001 гг. начинают доминировать скептические или пессимистические метафоры: в евродоме начинается *реконструкция, на строительной площадке царит хаос*, иногда евродом даже превращается в *горящее здание без пожарного выхода*. Сравнивая метафоры второго периода, автор отмечает, что немцы были менее склонны к актуализации

негативных сценариев (*необходим более реалистичный взгляд на строительство*), в то время как англичане чаще отражали в метафоре дома пессимистические смыслы (немцы – *оккупанты евродома* или *рабочие, считающие себя архитекторами*).

Динамика политических метафор прослеживается и на примере более короткого временного интервала. Ирландские лингвисты Х. Келли-Холмс и В. О’Реган рассмотрели концептуальные метафоры в немецкой прессе как способ делегитимизации ирландских референдумов 2000 и 2001 гг. Как известно, в 2000 году в Ницце было достигнуто соглашение об институциональных изменениях, необходимых для принятия новых стран в ЕС. Ирландия – единственная страна ЕС, в конституцию которой нужно было внести поправки, чтобы ратифицировать этот договор. Ирландское правительство считало вопрос решенным, однако на первом референдуме ирландский народ проголосовал против изменения конституции, что не замедлило отразиться в метафорах немецкой прессы. До проведения референдума ирландско-немецкие отношения носили позитивный характер и метафорически представлялись в немецкой прессе как любовные отношения. После референдума метафоры любовных отношений исчезли, но появились негативные криминальные образы.

Зарубежные исследования политической коммуникации в исторической перспективе свидетельствуют о наличии двух свойств системы политических метафор: архетипичности и вариативности. Вариативность системы политических метафор проявляется в динамике уровня метафоричности политического дискурса и в изменении доминирующих метафорических моделей в определенные исторические эпохи и другие временные интервалы.

3. Исследование общих закономерностей политической коммуникации – изучение идиостилей различных политических лидеров, политических направлений и партий. Значительный интерес представляют публикации, посвященные идиолектам ведущих политических лидеров. Языковеды обращаются к «речевым портретам» ведущих политиков в сопоставлении с политическими портретами российских политических лидеров прежних эпох. Специалисты стремятся также охарактеризовать роль идиостиля в формировании харизматического восприятия политика, обращаются к особенностям речи конкретных политических лидеров.

В отдельную группу следует выделить исследования, посвященные взаимосвязи политической позиции и речевых средств ее выражения. В частности обнаружено, что политические экстремисты

(как правые, так и левые) более склонны использовать метафорические образы. Легко заметить повышенную агрессивность речи ряда современных политиков, придерживающихся националистических взглядов.

Перспективы исследования концептуальной метафоры в идиолектах политиков были намечены еще в 1980 г. Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, которые рассмотрели милитарную метафору американского президента Дж. Картера.

В рамках исследований этого направления заслуживают внимания попытки найти практическое подтверждение того, как метафоры в речи политика воздействуют на массовое сознание и побуждают к принятию определенных политических решений. Так, Д. Берхо задается вопросом о причинах высокой популярности аргентинского президента Х.Д. Перона. Автор сопоставляет метафорику аргентинской политической элиты, отражающую презрение высших слоев общества к основной массе населения, с метафорами идиолекта Х.Д. Перона. А. Берхо показывает, как регулярное развертывание метафоры *Politics Is Work* (Политика – это труд) в политическом дискурсе принесло будущему президенту огромную популярность среди миллионов лишенных избирательских прав и работающих в тяжелых условиях аргентинцев, которые и привели Х.Д. Перона к власти.

Особый интерес представляет сопоставление метафор в коммуникативной практике политиков из разных государств. В работах Дж. Чартериса-Блэка, изучающего риторику британских и американских политиков, показано, как метафоры регулярно используются в выступлениях политических лидеров США и Великобритании для актуализации нужных эмотивных ассоциаций и создания политических мифов о монстрах и мессиях, злодеях и героях.

Подобные исследования позволяют выявить предпочтения конкретных политиков в выборе той или иной понятийной области для описания политической действительности. К примеру, «железная леди» М. Тетчэр склонна к военной метафорике, Дж. Буш младший активно использует криминальные образы, а С. Берлускони отдает предпочтение футбольным метафорам.

Выбор политиком определенной понятийной области для описания своего видения ситуации имеет немаловажное значение. Одну и ту же ситуацию можно представить как военный конфликт, в котором нужно во чтобы бы то ни стало разгромить противника, или как поломку транспортного средства, которую можно устранить при слаженной работе всех пассажиров. Метафоры политиков задают

способ осмысления ситуаций, подталкивая слушателя к выбору определенно сценария для понимания и оценки этой ситуации.

Отдельное внимание зарубежных исследователей привлекает вопрос об использовании политиками «интертекстуальных метафор» (В. Кеннеди, Т. Рорер, И. Хеллстен, Й. Цинкен). Подобные исследования в основном направлены на выявление способов убеждения адресата и ведения полемики посредством использования в своей речи интертекстуальных референций. Так, Т. Рорер показал, что в период иракского кризиса 1991 г. в американском политическом дискурсе использовались различные модели для осмысления кризиса и путей его преодоления. Если Дж. Буш апеллировал к событиям Второй мировой войны, то его противники (сенаторы-демократы) предпочитали вспоминать о войне во Вьетнаме.

4. Исследование институционального, медийного и иных разновидностей политического дискурса. При отборе текстовых материалов (корпуса) для исследования в политической лингвистике существует два полярных подхода – узкий и широкий. В первом случае в качестве источников исследования используются только тексты, непосредственно созданные политиками и использованные в политической коммуникации. Такие тексты относятся к числу институциональных и обладают весьма существенной спецификой.

При широком подходе к отбору источников для исследования политической коммуникации используются не только тексты, созданные собственно политиками, но и другие тексты, посвященные политическим проблемам. Как отмечает П. Серию, не существует высказывания, «в котором нельзя было бы не увидеть культурную обусловленность и которое нельзя было бы тем самым связать с характеристиками, интересами, значимостями, свойственными определенному обществу или определенной социальной группе, их признающей в качестве своих. В любом высказывании можно обнаружить властные отношения» (Серию 2002: 21). При этом важно учитывать, что содержание сообщения нередко соотносится со сферой политики имплицитно. Как отмечает Дж. Юл, исследование дискурса направлено на изучение того, что не сказано или не написано, но получено (или ментально сконструировано) адресатом в процессе коммуникации. Необходимо обнаружить за лингвистическими феноменами структуры знания (концепты, фоновые знания, верования, ожидания, фреймы и др.), т.е. исследуя дискурс, «мы неизбежно исследуем сознание говорящего или пишущего» (Yule 2000: 84).

При полевым подходе специалисты разграничивают прежде всего институциональный политический дискурс, в рамках которого

используются только тексты, созданные политиками (парламентские стенограммы, политические документы, публичные выступления и интервью политических лидеров и др.) и масс-медийный (медийный) политический дискурс, в рамках которого используются преимущественно тексты, созданные журналистами и распространяемые посредством прессы, телевидения, радио, интернета.

К периферии политического дискурса (в зоне его пересечения с официально-деловым дискурсом) относится аппаратная коммуникация, в рамках которой создаются тексты, предназначенные для сотрудников государственного аппарата или сотрудников тех или иных общественных организаций. Это разного рода инструкции, правила поведения для сотрудников, приказы и распоряжения и др.

Еще одну часть политического дискурса составляют тексты, созданные «рядовыми гражданами», которые, не являясь профессиональными политиками или журналистами, эпизодически участвуют в политической коммуникации. Это могут быть разного рода письма и обращения, адресованные политикам или государственным учреждениям, письма в СМИ, разного рода надписи (в том числе на стенах), анекдоты, бытовые разговоры, связанные с политическими проблемами и др. Подобные тексты находятся в сфере пересечения политического и бытового дискурсов.

К периферии политического дискурса относятся также тексты, в которых используются элементы художественного повествования. Сюда относятся, разного рода «политические детективы», «политическая поэзия» и тексты весьма распространенных в последние годы политических мемуаров. Особую часть политического дискурса составляют посвященные политике тексты научной коммуникации.

Границы между шестью названными разновидностями политического дискурса не вполне отчетливы, нередко приходится наблюдать их взаимное пересечение.

Большинство зарубежных политлингвистических исследований проводится на основе анализа медийного дискурса. Масс-медийный политический дискурс создается преимущественно профессиональными журналистами, но в нем так или иначе могут отражаться коммуникативные практики политиков и даже рядовых граждан. Существует значительная группа зарубежных публикаций, в которых политическая коммуникация изучается исключительно на материале институционального дискурса, и немногочисленную группу составляют исследования, выполненные исключительно на материале

текстов, авторы которых не относятся к числу профессиональных политиков или журналистов.

Еще одна классификация источников изучения политической коммуникации основана на разграничении устной и письменной речи. К числу устных источников относятся, в частности, материалы парламентских дебатов, выступления политических лидеров на встречах с избирателями, митингах, официальных церемониях и др. Письменные источники – это программы политических партий и движений, листовки, лозунги, послания президента парламенту, выступления политиков в прессе и др. Различаются также материалы непосредственного диалога и материалы, предназначенные для трансляции при посредстве СМИ.

5. Сопоставительные и несопоставительные исследования. Совершенно особое место занимают публикации, посвященные сопоставительному анализу политической коммуникации в различных государствах. В каждой стране есть национальные особенности в способах восприятия и языкового представления политической действительности, что объясняется национальной ментальностью и историческими условиями формирования политической культуры. Сопоставление политической коммуникации различных стран и эпох позволяет отчетливее дифференцировать "свое" и "чужое", случайное и закономерное, "общечеловеческое" и свойственное только тому или другому национальному дискурсу. Все это способствует лучшему взаимопониманию между народами и межкультурной толерантности.

Для верификации этих положений рассмотрим исследования по политической метафорике в политических дискурсах стран Востока, составляющих контраст с большинством исследований, направленных на анализ политической метафорики в цивилизационном пространстве Запада.

Действительно, метафоры, распространенные в политическом дискурсе стран Запада, довольно традиционны и для политической коммуникации Востока. Иллюстрирующим примером могут служить работы лингвистов из Азии. К примеру, Дж. Вэй продемонстрировала, что в Тайване политические сущности метафорически представляются в понятиях военных действий, семейных отношений, зрелищных представлений, торговли и других понятийных сфер. Эти данные вполне сопоставимы с результатами похожих исследований, проведенных специалистами из разных стран на примере политических дискурсов США и государств Европы.

Схожая ситуация наблюдается и при рассмотрении метафор в политическом дискурсе Сингапура. В частности, Л. Ви показал, что

разъединение Сингапура и Малайзии и возможное воссоединение двух государств в будущем осмыслялось в метафорах супружеских отношений, что является довольно устойчивым способом описания политических ситуаций подобного рода в политическом дискурсе Великобритании, Германии, Польши и других западных стран.

Метафоры египетского политического дискурса в их взаимосвязи с семиотикой арабской культуры и текущей политической ситуацией изучены И. Насальски. Как показывает польский исследователь, египетские метафоры отражают сложности переходного периода, в котором становление демократического мировоззрения переплетается с традиционными ценностями и символами. Вместе с тем доминирующие арабские метафоры (беременность, рождение ребенка, болезнь, пробуждение, дорога и др.) вполне согласуются с аналогичными образами в традиционной политической метафорике западной культуры.

Эти примеры свидетельствуют о том, что в политической метафорике Запада и Востока существует много общего. Вместе с тем, несмотря на активную глобализацию и вестернизацию традиционных обществ, на цивилизационном пространстве Востока остается место для метафорического своеобразия. Это своеобразие вызывает особый интерес, поскольку, с одной стороны, служит подтверждением перспективности антропоцентрически ориентированных исследовательских программ, активно реализуемых в лингвокультурологических и когнитивных изысканиях, а с другой – обладает несомненной практической ценностью. Знания об особенностях концептуализации мира в иной культуре становятся необходимым условием для межнационального взаимопонимания, ценным приобретением для специалистов из многих областей, так или иначе связанных с межкультурной коммуникацией.

Ряд примеров восточной специфики метафорического осмысления политики находим в монографии Б. Льюиса «Язык ислама». Если на Западе глав государств часто сравнивают с капитаном или рулевым корабля, то метафоры лидерства в исламе связаны с искусством верховой езды. Мусульманский лидер никогда не стоял за штурвалом, но часто сидел в седле и держал ноги в стременах. Также его власть никогда не ассоциировалась с образом солнца, потому что испепеляющее солнце не радует жителей Востока. Мусульманский лидер закрывает подданных благодатной тенью, спасающей от палящего солнца, и одновременно сам является «тенью Бога на земле».

Действительно, если мы обратимся к метафорам стран Запада и России, то обнаружим, что в них метафора монарха как солнца довольно традиционна. Достаточно вспомнить французского Короля Солнце (Людовика XIV) или собирательный образ древнерусского князя Владимира Красное Солнышко.

Также интересны наблюдения Б. Льюиса по поводу ориентационных метафор. На Ближнем Востоке властные отношения в большей степени представляются в горизонтальных, нежели вертикальных понятиях. Человек во власти не бывает внизу или вверху, но внутри или снаружи, рядом или далеко. В исламском обществе власть и статус больше зависят от близости к правителю, чем от ранга во властной иерархии. Правители Ближнего Востока чаще предпочитали дистанцироваться от критически настроенного окружения, чем понижать их в ранге, или отправляли неугодных в ссылку, вместо того, чтобы бросить их в подземелье. Разумеется, речь не идет о бунтарях и явных мятежниках, с которыми и на Западе и на Востоке власть имущие поступали примерно одинаково.

Особенно рельефно специфика политических метафор Востока проявляются в гендерных стереотипах исламских государств. Сопоставление исследований политической метафоры Запада и Востока позволяет сделать вывод о том, что метафорическая картина политической действительности часто структурируется в соответствии с противопоставлением мужского и женского начал, но оценочные смыслы варьируются в политическом дискурсе гетерогенных культурных сообществ.

Разумеется, Восток – это не только исламские государства и при обращении к другим его субрегионам обнаруживаются другие культурно обусловленные концептуальные особенности. К примеру, китайские метафоры брака несут в себе отличную от европейской концептуальную информацию. В китайском обществе браку предшествует серия замысловатых переговоров, направленных на защиту интересов обеих семей, а желания жениха и невесты вопрос второстепенный. Это сближает рассматриваемые китайские метафоры с метафорами торговой сделки, но с моральным основанием: брак рассматривается китайцами как выполнение обязательств перед предками.

Причины своеобразия рассмотренных метафор довольно прозрачны. Их оценочные смыслы эксплицитно связаны с климатическими условиями того ареала, на котором формировались культуры Востока, с культурными традициями, предписывающими соответствующие стереотипы поведения, и другими факторами,

имеющими многовековую историю. Вместе с тем система политических метафор даже в самом традиционном обществе представляет собой не раз и навсегда заданную систему концептуальных координат для осмысления реальности, а концептосферу, меняющуюся в зависимости от экстралингвистической действительности. Изменения в инвентаре политических метафор стран Востока связаны как с внутренними потребностями, так и с инокультурным влиянием.

Довольно интересны наблюдения Дж. Вэй относительно традиционной китайской цветовой символики и ее взаимодействия с новообразованиями в политической метафорике. По данным исследователя, в современном тайваньском политическом дискурсе получила широкое распространение метафора шляпы как символа власти. При этом важное значение имеет ее цвет: красный цвет связан со взяточничеством, золотой – с финансовыми скандалами, черный – с культивированием nepotизма, желтый – с прелюбодеянием. Таким образом, политик, который, например, *носит красную шляпу*, косвенно обвиняется автором метафоры в коррупции.

Разумеется, материалом для сопоставления могут служить политические дискурсы более близких в историко-культурном отношении государств. К примеру, Дж. Чартерис-Блэк, сопоставляя метафорику в инаугурационных обращениях американских президентов и политических манифестах лейбористов и консерваторов второй половины XX в., отметил, что в обоих корпусах проанализированных текстов распространены метафоры ПОЛИТИКА – ЭТО КОНФЛИКТ, ПУТЕШЕСТВИЕ И ЗДАНИЕ. Вместе с тем метафора огня обнаруживается только в американском корпусе. Некогда первый президент США Дж. Вашингтон употребил образ огня в своей речи о свободе нации. С тех пор метафорическая связь между огнем и свободой стала источником для интертекстуальных референций в президентских обращениях. С другой стороны, метафоры растений были зафиксированы только в британском корпусе, что связывается с традиционной любовью британцев к садоводству.

Также сопоставление позволило получить интересные данные о заимствованиях концептуальных метафор. Метафора ПОЛИТИКА – ЭТО РЕЛИГИЯ регулярно использовалась и до сих пор используется американскими президентами, в то время как в британских манифестах эта метафора появляется только в последнее время.

Продолжение сопоставительных исследований политического дискурса в различных странах, позволит лучше разграничить, с одной

стороны, закономерности, общие для всего цивилизованного мира или какой-то его части, а с другой — специфические признаки того или иного национального политического дискурса.

Подводя итоги представленного обзора, следует подчеркнуть, что многообразие аспектов исследования политической коммуникации отражает тот интерес, который проявляется к политической речи, и то многообразие материала, направлений анализа и позиций, которые характерны для современной политической лингвистики. В наиболее общем виде каждое конкретное современное исследование в области отечественной политической лингвистики можно охарактеризовать с использованием следующей системы не всегда эксплицитно выраженных противопоставлений.

1. Метод (когнитивный, риторический, дискурсивный и др.).
2. Дескриптивное или критическое описание.
3. Изучение языковых, текстовых или дискурсивных феноменов
4. Синхронное или диахронное описание
5. Изучение общих закономерностей политической коммуникации или же отдельных идиостилей.
6. Институциональный, медийный или иной дискурс
7. Сопоставительное или несопоставительное исследование

РАЗДЕЛ 2. МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

В современной зарубежной науке сложилось несколько основных направлений в исследовании политической коммуникации. Первое из них развивает традиционные взгляды на изучение политического языка, восходящие еще к античной риторике. В этом случае языковые единицы воспринимаются как форма для передачи мысли, как способ украсить мысль, сделать ее более доступной и прагматически значимой. При таком подходе основное внимание уделяется приемам создания и инсценирования политического текста.

В основе второго направления лежит когнитивный подход, в соответствии с которым речевая деятельность воспринимается как отражение существующей в сознании людей картины мира, как материал для изучения национальной, социумной и индивидуальной ментальности. Ведущая роль в становлении этого направления принадлежит Джорджу Лакоффу, однако он создавал свою теорию отнюдь не на пустом месте, поскольку когнитивный подход к изучению политического языка возник значительно раньше.

В основе третьего направления лежит дискурсивный подход, в соответствии с которым политический текст изучается в дискурсе, то есть важное значение придается условиям создания и функционирования соответствующего текста, его взаимодействию с другими текстами, с национальной культурой и традициями, с политической ситуацией в регионе, стране и мире.

Рассмотрим специфику названных научных направлений на материале исследований, посвященных политической метафоре.